

Е.В. Притчина

Трансформация политической культуры: теоретическая модель

Политическая система общества существует, функционирует, развивается в рамках определенного культурного образца. Фундаментальные преобразования политической жизни невозможны без глубокой трансформации политической культуры, которая в каждой конкретной ситуации представляет собой своеобразный синтез моментов формирования, функционирования и развития, что позволяет рассматривать ее как динамичную систему. Принципиально важными представляются вопросы: при каких условиях изменения в культуре являются наиболее вероятными, каковы механизмы этих изменений, а также механизмы взаимовлияния институциональных и культурных трансформаций?

Исследование динамики политической культуры в связи с социальными изменениями — одно из главных направлений развития теории политической культуры и осуществляется в основном в рамках теории модернизации. Само формирование концепта политической культуры в качестве одной из своих задач имело легитимировать экспорт демократии в развивающиеся страны с помощью воспитания соответствующей ей гражданской культуры.

В работе «Гражданская культура» Г. Алмонд и С. Верба связывают формирование такого типа политической культуры с системой образования как «важным фактором, определяющим политические позиции, причем тем фактором, которым легче всего оперировать», а также с приобретением опыта индустриальной жизни, соприкосновением со средствами массовой информации, политическими партиями и добровольными ассоциациями. Довольно оптимистично они заявляли, что «любой подход к модернизации содержит в себе семена гражданской культуры» [1, с. 372]. Однако авторы «Гражданской культуры» не учитывали, что именно политическая культура общества может препятствовать индустриализации, изменению системы образования, а политические партии и добровольные ассоциации также создаются и функционируют в определенном культурном контексте.

Большая часть авторов особое значение придавала изучению норм и ценностей конкретного общества с точки зрения их позитивного или

негативного влияния на процессы модернизации. Важнейшими составляющими развития признаются политическое участие и экономическая активность населения. Основными препятствиями для их формирования являются традиционные ценности. Отсюда вытекает необходимость создания в модернизирующихся обществах условий и институтов, обеспечивающих необходимую основу для трансляции и укрепления ценностей модерна, таких как универсализм, ориентации на достижение цели и успеха.

Ценностным трансформациям в социально-политической сфере уделялось внимание и при изучении западных обществ. Было предложено несколько вариантов объяснения этого феномена. Изменения в установках связывались с жизненным циклом людей как результатом смены состава группы. Была выдвинута идея периодических эффектов, когда те или иные политические и социально-экономические события оказывают значимое влияние на установку большинства населения.

Р. Инглехарт указывал на то, что, во-первых, индивидуальные приоритеты и ценности отражают социально-экономический контекст, индивид оценивает как более важное то, в чем он испытывает относительный недостаток. Во-вторых, взаимосвязь социально-экономических условий и ценностных ориентаций людей не является одномоментной, а предполагает существенный временной лаг. Базовые ценности индивида в значительной мере отражают условия, преобладающие в юношеском возрасте. Следовательно, изменение базовых ценностей в политической культуре происходит в результате смены поколений [2, с. 252].

Однако к 90-м гг. XX в. стало очевидно, что развитие политических процессов не дает оснований для выводов о качественном однолинейном изменении политической культуры. При всем различии ценностных установок у представителей разных поколений сохраняются общие смыслообразующие культурные структуры. Институты политической социализации транслируют культурные образцы и обеспечивают интеграцию общества «как по вертикали — между поколениями, так и по горизонтали — между социальными группами» [3, с. 111–112].

Динамика политической культуры определяется двумя ее основными функциями, находящимися в диалектическом противоречии друг с другом: функцией воспроизводства политической жизни и функцией адаптации политической системы к изменяющимся социальным условиям. Это создает определенное напряжение в системе политической культуры и препятствует ее однонаправленному развитию. Немецкий философ П. Козловски пишет: «Контекст культуры, сеть смысла и жизненного мира, должен претерпевать изменения, подобно тому, как подвержена изменениям и самость. Это изменение не может принимать вид линейной прогрессии или количественную форму технических преобразований, оно должно происходить в органических превращениях. Органический и культурный рост – это интегрированный рост всех частей организма и культуры во временной и пространственной гармонии, в согласовании периферии и центра. Контекст в целом возрастает, увеличивается» [4, с. 87].

Представляется, что более адекватно динамику политической культуры в переходных обществах можно определить термином «трансформация», которое свободно от «векторной нагрузки». Это общее понятие включает в себя изменения различной направленности. Оно означает комплексное, эволюционное изменение политической культуры как системы. Трансформационный процесс охватывает все элементы этой системы, однако они обладают различной динамикой и скоростью протекания. Трансформация может состоять из целого комплекса процессов, который включает в себя модернизацию, традиционализацию и архаизацию политической культуры.

Модернизация предполагает замену партикуляризма универсализмом, расширение свободы выбора и ответственности политических субъектов, увеличение возможностей и возрастание значимости политического участия, рационализацию политического процесса, доминирование достижительных ориентаций, увеличение возможностей для инновационных целерациональных действий. Это сопряжено с появлением новых политических практик, что приводит к дифференциации и специализации институтов политической системы, появлению новых политических институтов. Модернизация направлена на развитие политической культуры, обретение ею нового качества.

Можно выделить следующие группы механизмов, из которых состоит модернизация политической культуры:

- дифференциация основных духовно-интегрирующих систем – религии и политики, секуляризация политической культуры;

- возникновение в трансформирующейся системе новых элементов, таких как национальное государство, политические партии, структуры гражданского общества;

- заимствование и включение в систему политической культуры новых компонентов из других культур.

Самые существенные изменения политическая культура претерпевает в переходные периоды революционных изменений или реформирования общества и государства, когда происходят определенные ценностные, идеологические сдвиги в массовом сознании, обусловленные резким изменением привычных политических практик. В моменты радикальных социальных преобразований и слома прежней политической системы возникает возможность включения новых образцов в систему политической культуры. Но этот процесс идет сложно и противоречиво. Ю.М. Лотман характеризовал его термином «взрыв», понимая под ним «события, последствия которых для нас практически непредсказуемы, в силу многочисленности включенных факторов, чрезвычайной сложности их переплетения» [5, с. 117]. Культурный взрыв характерен для культур бинарного типа, к которым принадлежит и российская культура. В них каждая смысловая структура уравновешена своей противоположностью, что создает «смысловую неопределенность». Бинарность – механизм, который в переходные эпохи, с одной стороны, подготавливает взрывообразное разрушение культуры, а, с другой стороны, удерживает культуру от окончательного распада, утраты собственной самоидентичности. Такое силовое равновесие противоположностей весьма непрочное, так как создает условия для их взаимной аннигиляции. Взрыв – момент динамики, в ходе которого переход политической культуры в новое состояние совершается по законам случайности. Он означает не только крушение стабильной ценностно-смысловой системы, но и возникновение новых культурных образцов.

В обществах догоняющей модернизации, к которым относится и Россия, трансформация культуры происходит путем заимствования образцов из других культур и интеграции их в свое культурное пространство. В основе процесса интеграции лежит распространение прежних культурных смыслов на новые политические объекты. Политические структуры, вновь возникшие или заимствованные из дру-

гих культур, требуют перевода на язык культуры-реципиента, тогда «между транслирующим и принимающим языком устанавливается соотношение относительной эквивалентности» [5, с. 74]. Это происходит тогда, когда новые структуры получают свой действительный смысл при сопоставлении с тем или иным образцом. Под его воздействием они трансформируются, сохраняя нередко лишь внешний облик прежней институциональной формы. Однако только в таком виде они могут быть поняты и приняты обществом. Для того, «чтобы новая реальность получила “права гражданства” в наличной политической культуре, она или, точнее, ее “аналог” должен быть найден в прошлом» [6, с. 79]. Анализ современных политических структур невозможен без учета модифицирующего действия прошлого.

Возможности инновации открывают особенности структуры культурного образца. Как любое знаковое образование, культурный образец двусоставен. Он включает в себя материальный формат и смысловую структуру. В период радикальных социально-политических трансформаций эти составляющие становятся относительно самостоятельными из-за разрушения объектов, несущих политические смыслы. Лишившись материального носителя, те распространяют себя на любой подходящий объект, в первую очередь функционально сходный. Но так как новые формы политической организации не могут иметь этих смыслов, то необходимо длительное согласование. Новая форма и старый смысл трансформируют друг друга, образуя нечто новое, отличное от первоначальной формы культуры-донора и смысла культуры реципиента.

О. Шпенглер называл такие структуры псевдоморфозами, используя термин из минералогии. Под историческими псевдоморфозами он понимает случаи, «когда чужая, старая культура так властно тяготеет над страной, что молодая и родная для этой страны культура не обретает свободного дыхания и не только не в силах создать чистые и собственные формы выражения, но даже не осознает по-настоящему себя самое» [7, с. 26].

Философ акцентировал внимание на скрывающем действии заимствованной формы. Но нельзя абсолютизировать пассивность смыслового содержания культуры-реципиента, которое обладает определенным творческим потенциалом и приспособляется к себе чуждую форму, поэтому псевдоморфозы могут оказаться вполне эффективными в гетерогенных структурах, способных функционировать в различ-

ных эволюционных режимах, включая традиционный и современный.

Принцип симметрии и взаимности социальных процессов приводит к тому, что каждому процессу, воплощающему динамику политической культуры как целостной системы и имеющему определенную направленность, соответствует противоположно направленный процесс. Этот принцип имеет функциональную природу: один из парных процессов обеспечивает воспроизводство, а другой – изменение системы. Симметричным процессу модернизации является традиционализация – процесс, направленный на воспроизводство традиционных структур, ориентаций и практик. Он состоит в возникновении и институционализации практик, которые обеспечивают приоритет предписанных норм и правил поведения политических субъектов по сравнению с возможностями инновационных действий [8, с. 7]. Циклы модернизации и традиционализации не изолированы один от другого, и при переходе процесса трансформации из одной стадии в другую они могут превращаться в свою противоположность.

Спрессованная во времени догоняющая модернизация общества в периоды революций или радикальных реформ может привести к еще большему усложнению динамики политической культуры. Распад социальной ткани, утрата политическим пространством культурных смыслов чревата архаизацией политической культуры, т.е. актуализацией тех пластов, которые связаны с синкретичным восприятием мира, догосударственными ориентациями на локальное сообщество, ритуализацией и мифологизацией политической жизни.

Одновременное наращивание в системе политической культуры элементов модерна, традиционализма и архаики приводит к превышению меры ее сложности и стимулирует процессы дезинтеграции сверхсложного целого. Это создает возможность раскола политико-культурного пространства, формируя фрагментированную политическую культуру общества. Раскол русской культуры стал основным фактором развития отечественной истории XVII–XIX вв. Фрагментированный тип политической культуры присущ большинству стран и современного мира – Канада, Северная Ирландия, страны Латинской Америки и др.

Во фрагментированных политических культурах у населения отсутствует прочное согласие относительно путей развития общества. Для них характерны следующие черты: преобладание парахиальной политической лояль-

ности над национальной; отсутствие легитимных и действенных процедур по урегулированию конфликтов; острое недоверие социальных групп по отношению друг к другу; нестабильные и недолговременные правительства.

В то же время есть серьезные основания предполагать, что базисные политические установки, при помощи которых осмысливаются политические явления и процессы, сохраняют много общего в различных сегментах политических культур, принадлежащих к разным пластам политического времени.

Политическая культура формируется веками и представляет собой сложное образование, в котором в динамичных отношениях находятся пласты, относящиеся к разным историческим эпохам. В ней слито прошлое, настоящее и прогнозируемое будущее. Со сменой исторических эпох образуются новые пласты политической культуры, которые погребают под собой старые, но не уничтожают их. Это подчеркивали Г. Алмонд и С. Верба.

Наиболее соответствующую стабильной демократии гражданскую политическую культуру они характеризуют как смешанную. «В ее рамках многие граждане могут быть активными в политике, однако многие другие играют более пассивную роль подданных. Еще более важным является тот факт, что даже у тех, кто активно исполняет гражданскую роль, качества подданных и парохиалов не полностью вытеснены. Роль участника просто добавляется к таким двум ролям. Это означает, что активный гражданин сохраняет свои традиционалистские, неполитические связи, равно как и свою более пассивную роль подданного». Более того, «ориентации парохиала и подданного не просто сосуществуют с ориентациями участника, они пронизывают и видоизменяют их» [1, р. 339].

Таким образом, политическая культура является собой непрерывно обогащающуюся и усложняющуюся структуру. Она может быть представлена как матрица «с неограниченным числом ячеек, причем накапливаемая информация никогда не стирается, а только меняет свой код» [9, с. 20]. Но этот процесс идет крайне неравномерно в пространственно-временном континууме.

Систему каждой культуры можно представить как двухкомпонентную структуру, в которой выделяется устойчивое «ядро» и более подвижная «периферия». Периферию политической культуры составляют либо утрачивающие прежнее значение, либо новые элементы, только начинающие обретать культурный

статус. Нуклеарную концепцию культуры развивают Ю.М. Лотман и А.И. Ракитов. Применительно к политической культуре эту идею разрабатывает Э.Я. Баталов.

Ядро политической культуры концентрирует в себе систему онтологических социальных представлений, политических ценностей, а также норм, стандартов, эталонов и правил политической деятельности. Оно вырабатывается веками и обеспечивает хранение и трансляцию от поколения к поколению информации, гарантирующей историческую воспроизводимость политической жизни. Эта информация создает контекст, в котором разворачиваются социально-политические процессы. Ядро политической культуры является средоточием многовекового цивилизационного опыта, совокупностью «сверхисторических ценностей».

Структурами, в которых реализуется ядро политической культуры, являются как языковые конструкции, так и политические мифы, предрассудки, традиции, национальные и социальные обычаи. Отдельные элементы нижних, архаичных пластов могут сохранять функциональную значимость в течение достаточно долгого времени. Они продолжают движение по вертикальной временной оси и входят в ядро более поздней политической культуры, которая, как правило, обнаруживает определенную синкретичность. Главная функция ядра культуры – сохранение и воспроизводство самоидентичности социума. Поэтому оно обладает высокой устойчивостью и минимальной изменчивостью.

Высокую степень устойчивости ему придает защитный пояс, который состоит из системы социальных, поведенческих, нравственных, интеллектуальных реакций на информационные импульсы, поступающие от других культур. Он исполняет роль фильтра, пропускающего информацию из ядра культуры к структурам социального организма, но препятствующего воздействию со стороны внешней среды.

Вместе с тем культурное ядро не может оставаться абсолютно неизменным. Представляя собой информационную структуру, оно должно изменяться, так как «по своей сущности информация есть способ фиксации и передачи изменений» [10, с. 24]. Информационные потоки могут рассматриваться как основной фактор, детерминирующий изменения в политической культуре. Политическая система, принимая информацию, поступающую извне, оценивает ее сквозь призму ценностей, норм и стереотипов политической культуры. На этой основе принимаются политические решения по регулирова-

нию текущего состояния системы. Реализация этих решений поставляет новую информацию по системе обратной связи, и начинается новый цикл функционирования и развития политической системы общества. В то же время институты политической системы играют существенную роль в регулировании информационных потоков. Контролируя информацию, они могут способствовать сохранению ценностей, норм и традиций и тем самым влиять на процесс трансформации политической культуры.

Ядро культуры определяет способ реагирования социума на инновации. Оно обеспечивает адаптационные механизмы, возможность приспособления к меняющимся условиям политического бытия данного общества.

Наименее стабильным компонентом политической культуры является иерархия ценностей, в то время как внутренняя структура ценностей, социальные онтологические установки, а также операциональный опыт более консервативны. Поэтому эволюционные изменения политической культуры в первую очередь заключаются не в появлении качественно иной системы, а в изменении значимости функций отдельных структурообразующих элементов и взаимосвязей между ними.

Н.И. Бирюков и В.М. Сергеев связывают динамику политической культуры с трансформацией интеграционного механизма социума, который «встроен» в политическую культуру [11]. В традиционном обществе наиболее мощной интегрирующей силой выступает социальная онтология как самая устойчивая составляющая политической культуры.

С началом модернизации быстрая дифференциация общества разрушает единство и приводит к кризису традиционных онтологических механизмов интеграции. Важнейшей характеристикой переходного общества является раскол, который приводит к политическому дуализму. Это конфликт внутри культуры, возникающий на основе мировоззренческой переориентации существенной части членов общества, которая, не затрагивая социально-онтологического слоя политической культуры, разрушает единство ее ценностной структуры. В этих условиях функцию интеграции берет на себя система ценностей. «Главное преимущество системы ценностей как интегрирующего механизма для дифференцирующегося общества состоит в том, что такая система представляет собой иерархию. На когнитивном уровне это дает возможность поддерживать достаточно дифференцированную, но в целом когерент-

ную картину мира; на уровне прагматическом – интегрировать действия людей с принципиально различным, даже несовместимым операциональным опытом» [11, с. 64].

Однако интеграционный потенциал системы ценностей ограничен. Так как непосредственное содержание ценностного мышления составляют оценочные суждения, то его когерентность предполагает наличие определенной инстанции, чьи суждения считаются истинными и к которой можно апеллировать в случае разногласия в оценках. Примерами такой организации являются правящие партии в тоталитарных обществах. Ценностное мышление по природе авторитарно. Такой механизм интеграции эффективен лишь в условиях относительно неизменной социальной среды, в которой можно ограничиться опытом, освященным авторитетом традиции. Изменение условий существования социума может сделать традицию irrelevantной. Ригидность традиций ограничивает адаптационную способность социума. И если изменчивость социальной среды становится постоянной, то ценностный механизм интеграции изживает себя.

Модернизация связана с появлением альтернативного интеграционного механизма. Условие консолидации общества – выработка операционального опыта, который сам по себе становится базой социальной интеграции. На практике это означает учреждение политических институтов, процедуры формирования и функционирования которых превращаются в предмет ценностного консенсуса, обеспечивающего интеграцию общества. Это обеспечивает преемственность и воспроизводство политической жизни в сложном, социально дифференцированном обществе. Чем сложнее и многограннее политическая культура, тем большими адаптационными ресурсами она обладает.

Таким образом, полифункциональность феномена политической культуры определяет сложный и неоднозначный характер ее динамики. Она не может рассматриваться только как однолинейный процесс модернизации. Пласты политической культуры, сформировавшиеся в более древние времена, не заменяются новыми, а продолжают свое существование наряду с современными, определяя ее конфигурацию в каждый исторический момент. Развитие политической культуры означает ее усложнение, обогащение и расширение культурного контекста социально-политических процессов, а не разрыв с культурной традицией путем обретения принципиально нового качества.

Литература

1. Almond G., Verba S. The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nation. Boston and Toronto, 1965.
2. Инглехарт Р. Культурный сдвиг в зрелом индустриальном обществе // Новая индустриальная волна на Западе: Антология / Под ред. В.Л. Иноземцева. М., 1999.
3. Доган М., Пеласси Д. Сравнительная политическая социология. М., 1994.
4. Козловски П. Культура постмодерна. М., 1997.
5. Лотман Ю.М. История и типология русской культуры. СПб., 2002.
6. Бляхер Л. «Презумпция виновности». Метаморфозы политических институтов в России // Pro et Contra. 2002. Т. 7. №3.
7. Шпенглер О. Закат Европы // Самосознание европейской культуры XX в. М., 1991.
8. Лапин Н.И. Проблема социокультурной трансформации // Вопросы философии. 2000. №6.
9. Арутюнян Л.Н. Политическая культура: процессы формирования и изменения (о некоторых гипотетических основаниях одной теоретической модели) // Образы власти в политической культуре России. М., 2000 (Новая перспектива. Вып. XIX).
10. Ракитов А.И. Новый подход к взаимосвязи истории, информации и культуры: пример России // Вопросы философии. 1994. №4.
11. Бирюков Н.И., Сергеев В.М. Между дуализмом и соборностью (Проблема и механизмы социальной интеграции в современном обществе) // Общественные науки и современность. 1998. №4.